

родник НЕДЕЛЯ С ОСТРОУМНЫМИ РОДСТВЕННИКАМИ

За границы существования каждого народа распространяется та часть национального искусства, которая наиболее достойно представляет творческие силы. Например, грузинские фильмы. Понятно, они бывают разного уровня. Но мы смотрим только лучшие (например, «Голубые горы...» или «Путешествие молодого композитора»), забываем только их и делаем соответствующие выводы в отношении всего грузинского кино.

А грузинский театр? Немногие из нас имели возможность увидеть, что это такое. Ну, немного телевидение показывало, печать знакомила. Кому-то попала в руки книга М. Туманишвили «Режиссер уходит из театра». Но общие знания о грузинских спектаклях были на уровне легенд.

Вот такую публику, нуждающуюся в лучших фильмах, получил Театр киноактера студии «Литфонд» под руководством М. Туманишвили, гастролировавший в Вильнюсе и Каунасе.

Гости привезли четыре спектакля разных лет (с 1976 до 1985 гг.). На встрече с М. Туманишвили во Дворце работников искусства Лит. ССР выяснилось, что за год труппа имеет возможность поставить один спектакль — в этом театре киноактеры «Грузия-фильм» проводят свободное время, своеобразный тремп перед входом в кадр (такова теоретическая цель театра, но если бы он и практически понимал свое назначение таким образом, то не о чем было бы говорить)... Театр этот по величине равен нашему Вечному залу, сцена — без кулис, отделка — из фанеры. Дешево, никаких удобств — это факты для тех, кто думает, что в творчестве главное — условия, а не люди.

Современная техника сцены Академического театра драмы целую неделю, можно сказать, отдыхала. Грузины установили по обе стороны рамп несколько архаических прожекторов, декораций всех четырех спектаклей, к удивлению хозяев, уместались в одном контейнере.

Актеры этого театра играют там, будто лубки состоят из их родственников, друзей и знакомых. Суфлеры из «Дон Жуана», раскрыв текст пьесы и поставив рядом с собой кефир, хладнокровно обращаются к кому-то в зале: привет, дорогая, как твои? Ой, простя, ложке поговорим — идут! Подобные обращения есть и в других спектаклях, поставленных М. Туманишвили (в «Свиньях Бакулы» по Д. Кладашвили и, как известно, в «Нашем городке», на этот раз «огрузиненном» Р. Габриадзе), но суть не в этом. Актерам М. Туманишвили перевоплощение не мешает как ни в чем не бывало «поболтать» с публикой, не кокетничая, однако, с ней и не теряя нить роли. Поскольку эта черта всей труппы, попытаемся не делать из нее чуда, а постараемся угадать, почему. Может, грузины иначе не могут? Может,

это что-то глубоко национальное? Может, им просто свойственно чувствовать, что весь их народ и даже все люди — родственники? Ведь грузины даже человеку, с которым встретился впервые, говорят: «Послушай, дорогой!».

Мудрое остроумие ансамбля царило во всех четырех спектаклях. Тут комизм в игре — естественное дело. Пусть природа создаст совершеннейших женщин — Н. Чанкветадзе (Эльвира в «Дон Жуане», Катерина в «Нашем городке»), М. Арабули (Мэри в «Таком неустойчивом мире», Матрилина в «Дон Жуане») или мужчин — Л. Ученешвили (Важика в «Таком неустойчивом мире», Шама в «Свиньях Бакулы») — на сцене доминирует не их красота, а вдохновенная насмешка над собой, над своей доблестью, от чего они выглядят еще лучше.

Бросим взгляд на свои театры. То ли мы стесковались по комедиям, то ли наши артисты не легки на шутку, — почему мы так ждем остроумия? Конечно, мы находим, где посмеяться. Но смотря над чем: что-нибудь скользит и падает (низменный смех), глуп или пьян (смех повыше), или заходит речь о так называемой «проблематике хвоста» (смех высшего уровня). На грузинском спектакле смеешься не только потому, что смешно, а потому, что весело.

Из фольклора составлен текст спектакля «Такой временный мир» (автор и режиссер композиции — Н. Лордкипанидзе, ученик М. Туманишвили). История такая: он ее увидел и полюбился, она изображала, что ее это не волнует, он изобразил, что ему все равно, оба некоторое время страдали поодиночке и делали глупости, но затем помирились, создали семью, вырастили детей, а пришло время — скончались. Все понятно и всякий раз — удивительно. Игра тут такая, что кажется: у спектакля — про-

шедшее время, когда-то это случилось, а теперь рассказывается — например, как из-за не того слова, не такого взгляда он или она решили покончить с собой — так если что-то сейчас где-нибудь думает о смерти из-за того же самого, то прекратите, ведь все так временно!.. Это лишь одна из мыслей, сверкнувших в спектакле. Он весь, можно сказать, — мозаика интеллект остроумного народа.

Остальные три спектакля дали возможность познакомиться с М. Туманишвили. Каков он — патриарх, продолжающий творить? И в своей книге, и на встрече в Белом зале он не повторял: ишу, стремлюсь понять, не всегда удается... В спектаклях его как будто нет, здесь царят актеры, но как точно он ими дирижирует! Настоящая кровь течет в жилах каждого персонажа — главный ли он или только мелькает, трактуется серьезно, драматически или же гротескно. «Свиньи Бакулы» создавались тогда, когда нынешние исполнители спектакля еще учились, только мечтали о своем театре. И более молодые, рожденные уже в театре «Нам городок», «Дон Жуан», помогают понять, что студийность — не только лозунг этой труппы, а главная в их жизни вещь» (М. Туманишвили). Но не могу не признать, что «Нам городок» Г. Падытиаса кажется мне «счище» — в спектакле театра киноактера слишком много вещей, главные моменты пропадают, становятся слишком бытовыми, хотя каждый актер здесь играет удивительно.

И вот опять не о режиссуре, а об актерах... Описывая новую литовскую постановку, вряд ли удалось бы вот так «забыть» о режиссере (и это был бы большой упрек). Те молодые люди, которые создают вершины литовского театра, видимо, так полны, что на сцене мы иногда видим просто авторскую анциклопедию о человеке, обществе, явлении. Другие, которые режиссируют, режиссируют, а их все замалчивают или поругивают, видимо, будут убеждены, что «полны» сами зрители, со сцены им достаточно узнать лишь содержание... Удивительные спектакли М. Туманишвили не создают впечатления лавины концепции, но зрителям не приходится работать за режиссера. Зритель сидит и смотрит, как говорится, на чудеса первоополнения. А режиссер, будто ни при чем, предлагает понять, что только от нас самих зависит, будут ли свиньи соседа по-прежнему разорять огород... Или такая мысль для воспоминаний о Дон Жуане: если же веришь тому, чему решали верить, тебя уничтожат и назовут это «божьим возмездием». Вот так.

Р. ОГИНСКАЯ

Сцена из «Дон Жуана».

Фото А. Жиджоняса.